

В квартире сахалинской художницы Натальи Кирюхиной кокэси — традиционные деревянные куклы из Японии — занимают несколько полок этажерки. Этой осенью они вместе со своими русскими сестрами-матрешками станут главными действующими лицами юбилейной выставки Натальи Сергеевны в Сахалинском областном художественном музее.

По чести говоря, весь сахалинский Союз художников не дает журналистам оснований о себе столько говорить, как одна Кирюхина. По-пиратски лихо повязанная косыночка покрывает голову, в которой постоянно бурлят идеи. Эта миниатюрная женщина с невероятным энергетическим запалом, вернувшись на родной остров после окончания учебы на худграфе Хабаровского педагогического института, вот уже тридцать пять лет не устает «взрывать» культурное пространство региона. И можно только удивляться, сколько в ней сил, энергии, неукротимого любопытства. Среднестатистическому человеку хватило бы занятий на несколько жизней, а тут — никакой «экономии»: художница, она же педагог, сценограф, иллюстратор книг, мастер деревянных инсталляций, создатель уникального в российских масштабах Музея медведя, инициатор международной церемонии обжига керамики на Сахалине, популяризатор русских народных промыслов в России и Японии... И писать о ней можно бесконечно, как бесконечно ее восхищение жизнью и стремление открывать все новые сверкающие грани — для себя и для других соплеменников по планете.

Что касается грядущего арт-проекта «Японские кокэси и русские матрешки», то это визуальный дневник истории любви Натальи Кирюхиной к Японии. Высказаться об этом очень кстати в перекрестный Год Японии в России / России в Японии, каким объявлен 2018 год. Живя в столь близком соседстве, практически невозможно дистанцироваться от неизбежного влияния восточных культур. А у Натальи Кирюхиной с Японией свои, особо нежные отношения. В постперестроечные времена живейший интерес к стране, питаемый со студенческой скамьи волшебными картинками Хokusая, Хиросигэ, Утамаро, получил выход в реальность. В девяностых открылись границы, и она стала регулярно бывать в Японии. Вглядываясь широко открытыми глазами в Страну восходящего солнца, жадно знакомилась с культурной и просто жизнью японцев, все глубже влюблялась в тончайшее обаяние японских традиций и менталитета.

В 1996 году по предложению общества «Япония — страны Евразии» (ОЯСЕ) в музее истории Хоккайдо состоялась первая выставка ее живописных работ.

Неудивительно, что японцы, щепетильно отбирая авторов для первой в Саппоро презентации художников Сахалинской области, сразу положили глаз на нее. Авторский стиль в графике у Натальи Кирюхиной во многом отсылает к уточненной прелести творений мастеров укиё-э. Но это влияние внутреннего свойства, обусловившее формирование собственного, легкоузнаваемого почерка. Самой ее живописной манере свойственна изысканная графичность, а уж касаясь графики и говорить нечего — прихотливое плетение линий и пятен, особенная воздушность пространства, в котором раскрывается глубина простых вещей, создающих окружающую действительность...

Улетная фантазия и непрерывный трудоголизм — эти слагаемые в сумме и дали большую серию «Музейная экспозиция в рисунках: айны Сахалина, Курил, Японии». Идея возникла в период работы в областном краеведческом музее, куда Наталья Сергеевна была приглашена в качестве художника. В его запасниках хранится море экспонатов, посвященных жизни первых хозяев Сахалина и Курил, этой канувшей в бездну Атлантиды. Но большинству из них, ввиду скудости музейных площадей, едва ли выпадет счастье когда-нибудь встретиться со зрителем. Вот тут-то увидеть все айнское богатство музея, собранное сахалинскими этнографами за два века, и поможет цикл Кирюхиной, кропотливо, с фотографической документальностью исполненный тушью. Больше двадцати листов, на каждом в причудливый коллаж выписаны два десятка предметов, иллюстрирующих какой-либо аспект жизни аборигенов: — рыболовство, охоту, ремесла, одежду, верования, женщин и мужчин.

В 2002 году по приглашению Японского фонда Наталья Кирюхина продолжила работу в музеях Хоккайдо, и сахалинку охотно знакомили с ценнейшими экспонатами, которые мало кому показывают, правда, рисунки приходилось сначала делать в карандаше (не дай бог упадет капля на раритеты), а затем прорисовывать тушью. Но этой «трудности» вы не найдете в ее работах. В том, как тщательно художница выписывает орнаменты, кружева деревянной резьбы на подносе и стружек палочек инау, выражение «лиц» ритуальных статуэток, просвечивает ее чистое удовольствие от погружения в историю. Собственно, неудивительно, что от любви к народным промыслам Наталья Кирюхина пришла в 2006 году к созданию Музея медведя на Сахалине, где вокруг своего любимого «хозяина тайги» раскрутила полноценный центр русской народной культуры и традиций, и десять лет в одиночку тащила его на своих плечах. Можно сколько угодно читать книги и смотреть кино о славном прошлом твоей страны, но порой достаточно увидеть (а если повезет — потрогать) наконечник копья, старое веретено или конька из цветастой глины, и понимаешь, что именно через реальность вещей в руках в душу человека входит сопричастность к когда-то бывшей удивительной жизни...

В 2009 году Сахалинский художественный музей осуществил совместный выставочный проект «Лес Тоторо», авторами которого выступили художник Наталья Кирюхина и ее японская коллега Окай Хитоко. С чего все началось? Как-то островной журналист Михаил Бугаев рассказал Наталье Сергеевне о мастере керамики с острова Кюсю Окай Хитоко. Окай-сан пережила большую жизненную трагедию — в сентябре 1983 года над Сахалином разбился «Боинг-747», на борту которого находились ее сын, талантливый музыкант, и его жена. Поэтому Окай Хитоко стала часто приезжать на Сахалин. Художницы с разных островов заочно познакомились, и Наталья Кирюхина весной 2009 оказалась в мастерской Окай на о. Кюсю

Из зарисовок Натальи Кирюхиной можно получить представление об уединенном местечке Кунитоми на Кюсю, где живет, творит, принимает учеников и гостей Окай Хитоко. Может быть, со временем оно будет пользоваться такой

же репутацией, как Барбизон или Таруса, кто знает. А пока Кунитоми открываются завораживающей территорией маленького рая, где по двору гуляют олени с оленятами, который уж точно взят под опеку Тоторо, духом леса в японской мифологии. С присущей любовью к подробностям (и просто любовью) Наталья Сергеевна насыщает рисунки приметами Кунитоми. В стремительных и женственно-изящных почеркушках тушью его формируют изумрудно-цветущее поле или изгиб тропинки, бегущей к легкому деревянному домику, корзинка с клубникой, которую по-соседски принес дружелюбный фермер угостить русскую гостью, старинный бумажный зонтик и сосуды для чайной церемонии... В зарисовках этой медитативной, преимущественно монохромной серии, которые видятся лишь подступами к большим работам, ей удалось отразить скромное обаяние японских традиций. Они, вечные, прорастают сквозь холодный блеск современной гипериндустриальной Японии и будут неизменно питать живым дыханием вдохновение художника и человека.

Много чего в общественно-культурной жизни Сахалина с подачи Натальи Кирюхиной произошло с приставкой «впервые», из частной инициативы стало региональным брендом. Ее руки одушевляют разные материалы, но в последнее время более всего ее завораживает и притягивает глина, из которой, по библейским канонам, произошла жизнь на Земле. Словно вослед за поэтом она ищет свой ответ на вопрос — «...что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде». Когда-то, в эпоху дзёмон (XIII–XIV вв. до н. э.), люди изготавливали изделия из глины (горшки, блюда, фигурки), обжигая на кострах. Изделия украшали веревочным орнаментом, который и дал название эпохе (дзёмон в переводе — «след от веревки»). Окаи Хитоко возродила интерес к этому обычаю сначала на родине, такие акции стали проводиться на праздниках в Момбецу. Как гласят японские легенды, на огонь костров домой возвращаются души погибших.

После совместной выставки «Лес Тоторо» 2009 года, познакомившей сахалинцев с неожиданным пластическим языком японской керамики, которая в глине мастерски воплощает двуединство жизни — ее мощь и хрупкость, экспрессивность и конечность, художницы решились огонь дружбы и творчества перенести с Японии на остров Сахалин и посвятить его всем погибшим в различных катаклизмах: катастрофы в небе, море, на земле, землетрясения, наводнения, цунами. Так, в четыре руки русско-японский тандем художник заложил традицию обжига керамики «Древние огни дзёмон».

И начиная с 2010 года мемориальная церемония ежегодно проводится в сахалинском городе Невельске, недалеко от которого в воды Татарского пролива упал «Боинг-747». Местом ее проведения стал участок суши, отданной морем после землетрясения 2007 года («новая земля»). Действо происходит ровно такое, как тысячи лет назад. Печью для обжига служит гигантский костер, в который закладывают заранее вылепленные авторские изделия из глины. Наутро собирают на кострище урожай — от игрушечных фигурок до вольных абстрактных композиций. Этот «костер в ночи» здорово разжег интерес к керамике среди сахалинских ремесленников. Со временем география участников и зрителей расширилась, на праздник стали приезжать не только сахалинцы, но и гости из других регионов России и Японии. А сама церемония, отдавая дань восточной традиции, переросла в большой праздник искусств, без которого уже немыслимо лето в Невельске...

Но вернемся к началу, к кокэси. В квартире Натальи Кирюхиной десятки кокэси — традиционных деревянных кукол из Японии — занимают несколько полок этажерки. Первую тройцу кокэси подарил в девяностых знакомый, обнаружив их на заброшенном японском судне. Отдал Кирюхиной не случайно, зная ее страсть

к ремеслам, к коллекционированию народной игрушки и ко всему японскому. Так они и начали собираться в ее доме, круглоголовые куклы из чистого дерева с глазами-бровками, писанными одним тонким штрихом. Чувствуют себя превосходно в хорошей интернациональной компании, созданной руками Кирюхиной, — рядом с соломенной русской куклой, глиняным корабликом «Сахалин», деревянным яблоком, который ждет ручной росписи. И ни одна непохожа на другую, потому как делать кокэси японские мастера любят и фантазируют на всяк вкус. У одной на лакированном животике в столбик выстроились поэтические иероглифы, другой автор выкроил «одежку» из коры, третью отыскиали для Натальи ее друзья где-то на блошином рынке в Голландии, несколько подарили японские друзья. Пока что их уютное обаяние радовало глаз и душу только художнице, но вот пришел черед вывести их на всеобщее обозрение вместе с матрешками из фондов областного художественного музея.

Из многолетнего личного опыта арт-дипломатии в Японии у Кирюхиной однажды возник сюжет для небольшого живописного холста. «Проводы русской гостьи» списаны с натуры, но переведены в символический пласт. Покидая в очередной раз Японию, где на ее мастер-классах японский «стар и млад» с упоением лепит из глины русские свистульки, она обернулась в аэропорту помахать рукой. А новые друзья по японской традиции склонились на прощание в уважительном поклоне. И художница запечатлела их в виде опечаленных разлукой кокэси, что, выстроившись прилежно в ряд, провожают русскую матрешку в компании с дымковскими игрушками. По ее мнению, в лаконичном дизайне луноликих кокэси отражаются особенности японского национального характера — за внешней сдержанностью, закрытостью таится большое душевное тепло.

Благодаря гостеприимству Окаи Хитоко Наталья Сергеевна удалось исполнить давнюю мечту — побывать в каменном саду Реандзи в Киото, о котором сначала, как и многие россияне, прочитала в известной книге Владимира Цветова. И, конечно, «записала» свои впечатления. У нее на листе бумаги легендарные камни монаха Соами, символизирующие стремление к совершенствованию мира и его недостижимость, выстроились в своеобразную Солнечную систему в коричневатосерой гамме. Художница Наталья Кирюхина — человек вечных дорог, созидатель мостиков между людьми и народами. И сколько ни творит, неизбежно остается вечная недосказанность, неизбывно нетерпение сердца, дарующее силу для движения вперед...

